

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ САШИ ЧЕРНОГО

Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг) известен отечественным и зарубежным читателям и литературоведам в первую очередь как поэт и прозаик, автор многочисленных сатирических стихов, рассказов и фельетонов. Исследованию его критического и публицистического наследия посвящены отдельные немногочисленные работы, которые рассматривают произведения автора в общем контексте русской литературы начала XX века или литературы русского зарубежья. Тем не менее «нехудожественная» проза писателя, в частности, его литературная критика, представляет собой ценный материал для анализа проблемы взаимодействия русского и западного культурных начал как в литературе русского зарубежья, так и в творчестве самого Саши Черного.

Произведения Саши Черного, по мнению А. С. Иванова, нельзя рассматривать в отрыве от литературной жизни эпохи [2, с.9]. Именно поэтому можно условно разделить его творчество на два этапа: дореволюционный и эмигрантский, так как с 1920 года и до конца дней Саша Черный живет и работает за границей. Литературно-критическое наследие писателя невелико: всего лишь двадцать одна статья, написанная с 1913 по 1932 годы, была опубликована и дошла до наших дней. Примечательно, что в каждой статье, по мнению А. Иванова, угадывается некое противопоставление самого автора и того, о ком он пишет [2, с.7]. Данный прием – верный признак самокритичного отношения к собственному творчеству. Действительно, все его литературно-критическое наследие проникнуто этим последовательным стремлением к самопознанию и самосовершенствованию.

Первый литературно-критический опыт Саши Черного приходится на 1913 год, когда в пятом номере журнала «Современник» с подписью «А.Ч.» выходит его статья «Владимир Нарбут. Любовь и любовь». Это единственная статья, написанная в России, однако именно в ней впервые определяется тематическое поле для последующих, более поздних выступлений в критическом жанре. Обвиненный в богохульстве, эпатирующий читателей член «Цеха поэтов» Владимир Нарбут привлек внимание молодого сатирика очередным сборником стихов, куда вошло всего два стихотворения: одно ультра-экспериментальное – «Порченный», другое, написанное в традиционной манере – «Вдовец». Саша Черный крайне негативно оценивает данный сборник прежде всего из-за излишней тяги автора к экспериментаторству и голому новаторству. Оценки критика лаконичны и четки, в то же время не лишены экспрессивности, а порой и жесткой сатирической насмешки. Уже в первой статье просматриваются характерные черты творческого метода автора – афористичность, лаконичность, саркастичность. При этом афористичность органично объединяет в себе философский склад мышления и творческую

концепцию автора, лаконичность способствует концентрации смыслового содержания работы, а сарказм в его литературно-критических статьях – это органическая часть сатирико-юмористического видения мира.

Как мы уже отмечали, творчество Саши Черного делится на два этапа, и для него как литературного критика период эмиграции оказался значительно более плодотворным. С 1921 по 1927 год в критическом наследии писателя преобладают статьи, обращенные к своим современникам, коллегам-литераторам так называемого «русского зарубежья». В их числе работы, посвященные творчеству И. Бунина и А. Куприна, Тэффи и А. Аверченко, З. Гиппиус и А. Ахматовой. С каждым из этих писателей Черного связывали разные взаимоотношения. По мнению некоторых исследователей творчества Саши Черного, И. А. Бунин был для него наиболее авторитетным творческим ориентиром, ярким представителем классического направления в русской литературе. В одноименной статье-рецензии на книгу И. Бунина «Роза Иерихона» (1924) критик пишет о сдержанной силе прозы автора, о ее гордом служении красоте, о следовании лучшим нравственно-этическим традициям русской литературы. О творчестве И. Бунина современники отзывались по-разному, Саша же Черный писал о нем так: «... О бунинском языке писали немало. Он завершен, и сложен, и цветист, как многокрасочная переливающаяся парча. Читаешь и видишь... какая любовь к России, какое чуткое внимание к тихим дням человеческой жизни в их полноте и обреченности» [7, с. 374].

Особое место в литературно-критическом наследии С. Черного занимают статьи, посвященные творчеству А. Куприна («Тридцать пять лет», «А. Куприн. Новые повести и рассказы»). Известно, что Куприн много писал о произведениях для детей и юношества Саши Черного, высоко ценил его талант прозаика, говорил о непосредственной близости последнего к сатирическим традициям М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. П. Чехова. Сам же Саша Черный был глубоко убежден, что именно А. Куприн принес в литературу русского зарубежья «русскую тему», чистоту и светлость «лесковских» образов: «Простота, глубина и ясность, которыми дышат все художественные страницы Куприна, давно поставили его за пределы капризной моды и давно отвели ему прочное, излюбленное место в сознании не нуждающихся в проводниках читателей» [7, с. 379]. Естественно, что жизнь за границей и влияние европейских культурных традиций наложили отпечаток на творчество обоих авторов. «Новые края за долгие годы скитаний дали новые краски, образы, звучание», – пишет в одной из статей С. Черный [7, с. 391]. Действительно, тема судеб русской интеллигенции, а равно и русской литературы в эмиграции стала одной из ключевых не только в прозе, но и в литературной критике Саши Черного.

Говоря об этом, нельзя не упомянуть о полемике, развернувшейся на страницах европейских изданий и длившейся целое десятилетие – с 1925 по 1935 год. Основным вопросом дискуссии, естественно, стал вопрос о

возможности выживания русской литературы за рубежом и тех путях, по которым должно пойти дальнейшее движение «отколотой» от родного материка части русской литературы. Центром дискуссии, с точки зрения американского слависта Роджера Хэггlanda, стали вопросы об источниках вдохновения и о практическом обучении литературной смене творчеству. Крайние полюса дискуссии персонифицировали собой Владислав Ходасевич и Георгий Адамович, имевшие диаметрально противоположные взгляды на роль и значение литературной традиции для творчества молодых писателей [1, с.131].

В.Ходасевич, относивший истоки своего творчества к Пушкину и Баратынскому, занял "про-классическую" позицию: по его мнению, молодые писатели должны бережно относиться к традиции, изучать ее лучшие образцы и следовать им. Г.Адамович не соглашался с ним, полагая, что идеи и чувства должны исходить свободно, не сдерживаемые никакими эстетическими канонами, они должны звучать естественным, повседневным голосом поэта-современника. Для него важным было не консервация установленной литературной традиции, а ее смелое преодоление через индивидуальность творческого сознания. Не примкнув однозначно ни к одному из лагерей, Саша Черный, подтверждая тем самым свой первый псевдоним, - остается «сам-по-себе». Еще до эмиграции, в 1915 году, в статье «О Саше Черном» А. Куприн пишет: «С. Черный – один. И в этом заключается прелесть его оригинальной личности» [3, с.12]. Не высказав однозначной точки зрения по поводу точившейся дискуссии, писатель придерживался собственных взглядов на ход развития русской литературы за рубежом, - впрочем, его идеи оказались более близки «классическим» воззрениям В. Ходасевича. Статьи, опубликованные на страницах таких парижских изданий, как «Иллюстрированная Россия», «Русская газета» и «Последние новости», где С.Черный обращается к лучшим образцам современной прозы, отразили его взгляды на проблемные вопросы полемики.

Следуя собственной позиции и расширяя спектр тем критического анализа, был написан ряд статей, основной проблематикой которых стали вопросы развития русской сатирической литературы - как зарубежной, так и советской. Жанрово-тематическая и стилевая эволюция бывших коллег по журналу «Сатирикон» (Тэффи, А.Аверченко) становится предметом анализа в работах «Вечерний день» (рецензия на одноименный сборник рассказов Тэффи), «Аркадий Аверченко» и «Памяти Аркадия Аверченко». С помощью ретроспективы в доэмиграционное прошлое, используя принцип диахронизма, Саша Черный прослеживает общее направление эволюции этих писателей.

В 1924 году в статье «Передоновщина» Саша Черный пишет о категорическом непринятии им эстетики эксцентричной манеры письма, а также той художественной картины мира, которые культивировались в мемуарах Алексея Ремизова «Кукха. Розановы письма». «А ведь нетрудно бы понять, что стиль этот, даже не стиль, а стилишко, с типографско-ухищренной разбивочкой строк, со словесными загогулинами и всяким непристойным

уродством, давно пора бы бросить», – с присущими его стилю эмоциональностью и саркастичностью писал Саша Черный [7, с. 371].

Гораздо позже, уже в 1932 году, выйдет еще одна статья, посвященная проблеме сатиры в Советской России - «Крокодил». Название выбрано не случайно, так как журнал с одноименным названием стал ведущим сатирическим изданием в СССР. Здесь анализу подвергается судьба сатиры как литературного явления, возможность ее существования в условиях жесткой политической цензуры. Саша Черный утверждает: «Еще некоторое подобие сатиры, обглоданной до костей, можно найти в выкриках по адресу «капиталистов, империалистов и пацифистов». Но и эти, единственно свободные темы, играющие роль красной тещи, до того перекрыты во всех направлениях мордобойной казенной словесностью, что, собственно говоря, никакой сатиры и в помине нет». Он отмечает невозможность существования не только сатиры, но и самой литературы в условиях жесткой цензуры и диктатуры партии.

Статьи, написанные в период с 1928 по 1932, а их всего шесть, гораздо шире по своему тематическому наполнению, так как охватывают ряд проблемных вопросов по истории фольклора, а также проблемы творчества в целом («Русские исторические народные песни о Петре Великом», «Путь поэта»). Их можно рассматривать как своеобразный итог историко-литературных воззрений автора. Саша Черный в очередной раз подчеркивает, что развитие русской литературы, особенно за пределами родины, невозможно без обращения к классическим традициям, которые на протяжении столетий оставались ядром русской словесности. Именно к процессу «растущего эмигрантского безразличия и усталости» («Русская книжная полка», «Русский палисадник»), к вопросам «темной русской современности, угрюмому и ущемленному советскому быту» («Крокодил») апеллирует в них Саша Черный. Искренне переживая за судьбу русской литературы, автор призывает прежде всего своих коллег-писателей, вне зависимости от политических и эстетических взглядов, обращаться к классике, как можно меньше экспериментировать с языком, быть новатором в здравом смысле: «Если у тебя есть «имя», не пиши хлама. Если у тебя его нет, тем более остерегайся» [7, с. 92].

Подводя итог, следует отметить, что критика для Саши Черного – это действенный инструмент борьбы за русское литературное наследие, возможность соприкоснуться с читательской аудиторией, быть в русле развития как литературы русского зарубежья, так и молодой советской литературы.

Литература

1. Голубков М.М. История русской литературной критики XX века (1920-1990-е годы) – М.: Изд-во «Академия», 2010. – 376 с.
2. Иванов А.С. Проза Саши Черного // Саша Черный. Собрание сочинений: В 5-ти тт. – Т. 4. – М.: Изд-во «Эллис Лак», 2007. – С. 7-9.

3. Куприн А. И. Поэт-одинок: О Саше Черном // Журнал журналов. – 1915. – № 7 – С. 4-8.
4. Михайлов О.Н. От Мережковского до Бродского: литература русского зарубежья. – М.: Просвещение, 2001. – 335 с.
5. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – С. 146-156.
6. Шатов М.В. Полвека русской периодики. 1917-1968: В 4-х тт. – Т. 2. – Нью-Йорк, 1980 –350 с.
7. Черный С. Собрание сочинений: В 5-ти тт. – Т. 3.– М.: Изд-во «Эллис Лак», 2007. – С. 361-400

Аннотация

Сенева Е.С. Литературно-критическое наследие Саши Черного.

Начало литературно-критической деятельности С. Черного приходится на 1913 г. Однако в полной мере его идейно-эстетические позиции раскрылись в годы эмиграции, начиная с середины 1920-х гг. Его литературно-критические статьи оказались разбросаны по многочисленным изданиям русской эмиграции. В статье прослеживается формирование взглядов Саши Черного на проблемы развития русской литературы как в эмиграции, так и в советской России.

Ключевые слова: литературная критика, литература русского зарубежья, литература метрополии, индивидуально-авторский стиль.

Анотація

Сенева О.С. Літературно-критична спадщина Саші Чорного

Початок літературно-критичної діяльності С. Чорного прийшовся на 1913 р. Однак повною мірою його ідейно-естетичні позиції розкрилися в роки еміграції, починаючи з 1920-х років. Його літературно-критичні статті були розкидані по численним виданням російської еміграції. У даній статті простежується формування поглядів Саші Чорного на проблеми розвитку російської літератури як в еміграції, так і в радянській Росії.

Ключові слова: літературна критика, література російського зарубіжжя, література метрополії, індивідуально-авторський стиль.

Summary

Seneva H. Sasha Cherny's literary-critical heritage

The beginning of the literary-critical activity of Sasha Cherny falls on 1913. However, the full extent of his ideological and aesthetic positions was opened in the years of emigration, since the mid-1920s. His literary-critical articles were scattered in numerous publications of the Russian emigration journals. The article traces the formation of Sasha Cherny's views on the problems of development of Russian literature in the emigration as well as in soviet Russia.

Keywords: literary criticism, literature of the Russian Diaspora, the literature of the metropolis, individual author's style.